

ДИСКУССИЯ "РЕАЛИЗМ-АНТИРЕАЛИЗМ" И ВОПРОС О СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ТЕОРИИ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ В НЕОРЕАЛИСТИЧЕСКИХ КОНТЕКСТАХ

В статье исследуется понятие истины в контексте развития современной цивилизации. Определяются причины кризиса теории истины научного реализма. Анализируется сущность научного реализма в переходный период от корреспондентной теории истины к теории дефляционизма.

Ключевые слова: истина, реализм, научный реализм, антиреализм.

Лебідь А. Є. Дискусія "Реалізм-Антиреалізм" і питання вмотивованості теорії кореспонденції в неореалістичних контекстах. *У статті досліджується поняття істини в контексті розвитку сучасної цивілізації. Визначаються причини кризи теорії істини наукового реалізму. Аналізується сутність наукового реалізму в перехідний період від поняття кореспондентної теорії істини до теорії дефляціонізму.*

Ключові слова: істина, реалізм, науковий реалізм, антиреалізм.

Lebed A. E. "Realism-antirealism" discussion and the problem of the theory of correspondence well-grounded in neorealist contexts. *In the article the concept of truth in a context of development of a modern civilization is investigated. The reasons of crisis of science realism truth theory are defined. Its status in a transition period from correspondence theory of truth to deflationism is analyzed.*

Key words: truth, Realism, science Realism, Anti-Realism.

Актуальность исследования. Около двадцати лет назад на страницах журнала "ОНС" российский философ А. Никифоров заявил о существенном содержательном, методологическом, эвристическом пробеле в проблемном поле исследования природы и сущности истины и вопросов, связанных с ее осмыслением. И как тогда еще он указывал, что дискуссия по проблемам теории истины давно уже назрела. С этим нельзя не согласиться, но с некоторым, по мнению автора, уточнением: подобного рода дискуссии не менее актуальны и сегодня. Об этом свидетельствует немалое количество публикаций, раскрывающие ту или иную сторону такого многогранного и сложного, но от этого еще более интересного феномена истины.

Охватить весь спектр вопросов, обсуждаемых мировым научным сообществом в области алетологии не представляется возможным, исходя из специфики не только самого объекта научной рефлексии, но и многообразия средств, методов, задач ее актуализации. В нашей статье мы затронем один из аспектов теории истины, а именно вопрос о релевантности теории корреспонденции в дискуссии сторонников реализма-антиреализма в рамках аналитической философии.

Основные публикации. Дискуссия реалистов и антиреалистов – одна из центральных в аналитической традиции философствования. Тема эта далеко не нова, но это не умаляет ее значимости для философского и научного сообщества. Подтверждением этих слов может выступить активная исследовательская и издательская деятельность, как в зарубежном, так и в отечественном научном пространстве. Обсуждение оппозиции реализм-антиреализм проходит по различным смысловым линиям: анализ общеметодологических и эвристических принципов (Н. Головки, В. Ладов, П. Хакер), исследование семантики и языка (анти)реалистических моделей (Т. Бейз, Е. Суханова), изучение онтологических и эпистемологических аргументов (Л. Бергстрём, Т. Бертоле, Р. Бойд) и др.

Аналитическая философия начального периода (Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн периода "Логико-философского трактата") имела ярко выраженную реалистическую позицию. С 30-40-х годов XX в. начинают появляться исследования, в которых намечается поворот в сторону антиреализма. В первую очередь, это экспликация проблемы неопределенности перевода и ее решение У. Куайном, а также концепция Л. Витгенштейна "значение как употребление". Концепции реалистической направленности, появившиеся несколько позднее (теория референции Х. Патнэма, теория жестких десигнаторов С. Крипке) на фоне антиреалистических теорий (У.

Куайн, Л. Витгенштейн, Н. Гудмен, Д. Серл, Д. Дэвидсон) смотрятся скорее как исключения из общего правила, нежели как устойчивая тенденция. Это лишний раз подтверждает тот факт, что различие между ранним и поздним вариантами аналитической философии проходит по онтологическому принципу: для ранней аналитической философии характерна онтология реализма, тогда как для позднего периода характерен онтологический антиреализм.

Изложение основного материала. Напомним, что основная позиция реализма сводится к утверждению о реальном существовании объектов внешнего мира (а), не зависящего от какого бы то ни было сознания (b) и предполагающее возможность (в той или иной степени) познания этого мира (с). Тезисы (а) и (b) являются онтологическими тезисами, а тезис (с) – эпистемологическим. При этом, принимая онтологические тезисы, в то же время можно отрицать эпистемологический тезис.

Различая многообразие типов реализма (наивный, научный, метафизический, этический и др.), следует утверждать о том, что в основе любой его разновидности находится именно онтологический реализм, исходящий из признания тезисов (а) и (b). По этому поводу В. Ладов утверждает следующее: "Несмотря на то, что онтологические и эпистемологические проблемы теснейшим образом связаны между собой так, что зачастую рассмотрение одних невозможно без рассмотрения других, приоритет все же отдается онтологии. Основанием такого заключения выступает тот факт, что любая эпистемологическая позиция, по сути, уже включает в себя онтологическое воззрение. Онтологический тезис оказывается более фундаментальным. По этой причине система формального реализма в общем виде характеризуется как онтологическая концепция" [1, с. 4].

Говоря о неореализме, по-видимому, следует учитывать те факторы, которые предопределили его появление на рубеже XIX-XX в. К таковым можно отнести противоречивый характер философии абсолютного идеализма Ф. Брэдли, согласно которому реальным является только умопостигаемое, чувственный опыт же лишь знакомит нас с "видимостью" реальности. С другой стороны, успехи естественных наук, революционные изменения в естествознании актуализировали интерес к изучению именно физической реальности, в ущерб конструированию рациональной онтологической модели. Кроме того, понимание Г. Фреге процедуры анализа как основного элемента логической теории, учение Ф. Brentano об интенциональности сознания, прагматизм и возросший интерес к философии британского эмпиризма, все это в большей или меньшей степени обозначило контуры будущих научных дискуссий, именуемых спором реализма и антиреализма.

Неореализм, как уже было заявлено, является начальным этапом развития аналитической философии и своим появлением обязан известной идее Дж. Мура об "опровержении идеализма" в "защиту здравого смысла". Будучи сторонником реалистической позиции применительно к вопросу о существовании внешнего мира, этот британский философ, однако, не менее интересен и в связи с используемым им способом анализа рассматриваемых концепций. Критикуя оппонента, Дж. Мур основательно аргументирует свою позицию, избегая догматизма и отмечая все положительные стороны критикуемой концепции, после чего переходит к анализу тех случаев, которые не были учтены его конкурентом.

Задачей философского анализа, являющийся основополагающим методом философии, таким образом, является очищение эмпирического познания от чрезмерной его субъективности. Но не следует сводить такой анализ к декартовскому его пониманию, когда должно «делить каждую из рассматриваемых мною трудностей на столько частей, сколько потребуется, чтобы лучше их разрешить» [2, с. 260]. Анализ в рамках аналитической философии является своего рода интерпретационной моделью, осуществляемой посредством сведения ее постулатов к специально для этого построенной (выбранной) логической системе. Задачей анализа, таким образом, является создание научной системы, фундаментальным для которой будет вопрос о логическом определении существования объекта, а не вопрос о его восприятии.

Одной из основных идей декартовского анализа является принцип радикального сомнения. Б. Рассел вполне соглашается с Р. Декартом по поводу радикального сомнения, но не принимает его уверенности в наличии ясного и отчетливого знания. Он четко разграничивает декартовский и аналитический метод, для которого характерно не только стремление к ясности и четкости суждений, но и наличие множества заблуждений, ошибок и недостатков в полученном знании. Мнение идеалистов в этом вопросе сводилось к тому, что на пути следования к абсолютной истине следует устранять подобного рода недочеты. Б. Рассел же заключает, что истина, как и ложь – неотъемлемые, если не сказать необходимые, свойства человеческого знания и не в наших

силах искоренить ложное знание, можно разве что свести к минимуму ошибки и заблуждения. В этом состоит еще одна задача философии и аналитического метода.

Раскрывая сущность аналитического метода, несколько своеобразно процедуру анализа понимает А. Уайтхед в своей *теории экстенсивной абстракции*. В рамках теории утверждается, что чем элементарнее будут производные понятия, тем проще будут их отношения друг к другу. Необходимо, прежде всего, проанализировать понятия с целью разложения их на простые элементы, а затем рассмотреть их отношения. Теория экстенсивной абстракции напоминает одно из правил Р. Декарта, но с противоположным смыслом. Р. Декарт стремился свести все сложное к простому, теория же А. Уайтхеда наоборот служит основанием возможности восхождения от простого к сложному, ибо "философия восходит к обобщениям с целью понимания возможностей их соединения" [3, с. 639].

Что касается эпистемологии Дж. Мура, то он обозначил такие варианты анализа, характеризующие, по нашему мнению, в принципе аналитический метод: *анализ самих способностей ощущения*, что означает адекватность наших органов чувств (например, состояние здоровья, определяющее саму возможность полноценного восприятия); *анализ чувственных данных*, предполагающий аналитику условий и обстоятельств, сопутствующих тому или иному восприятию. Такие условия и обстоятельства, естественно, могут быть и косвенными. Так, если мы наблюдаем нечто синего цвета, что не может быть таковым в нашем обыденном представлении (например, синий цвет сигнала светофора), следует убедиться во всех возможных причинах подобного явления: изменившаяся система правил, о которой мы не знали, особое освещение, придающее привычным цветам сигнала светофора синеватый оттенок и т. д. Если подобное не выявлено, действительно следует констатировать факт прямого восприятия синего цвета сигнала светофора. *Анализ поверхности физического объекта*, предполагает непосредственное знакомство, действие с объектом восприятия, в результате которого мы сможем убедиться, что никто не покрасил светофорный фонарь в синий цвет или не произвел с ним каких-либо других операций по изменению цвета свечения.

Причина синевы сигнала светофора может быть обнаружена на каждом из уровней анализа и всякий раз это будет реальная причина, поскольку каждый "нормальный" человек увидит синий цвет сигнала светофора. Подобного рода примеры, явившиеся следствием аргументации Дж. Мура, нанесли серьезный удар по идеалистическим теориям, продемонстрировав сильные стороны реалистического эпистемологического анализа. Но в то же время возможны случаи неправильного использования анализа. К таковым относятся: *тавтология*, когда имеет место частичное или полное совпадение форм анализируемого понятия (а) и того, которое получается в результате анализа (b). Другим вариантом неправильного анализа выступает *несовпадение смыслов*, когда возможны курьёзные ситуации, как в случае определения: "Логика – это не физика и даже не то, что вы подумали". Вероятность подобного рода ошибки возрастает при анализе не(мало)знакомых или абстрактных объектов. Если же *analysandum* (a) и *analysans* (b) не имеют единой языковой формы, констатируем о третьем некорректном варианте использования анализа – *несовпадении языков*. И, наконец, *описание способа употребления (a)*: поскольку предметом анализа выступают понятия, а не предложения и анализируются они посредством других понятий, то употребление (a) в языке зависит от значения понятия (a), устанавливаемого в ходе анализа.

Существенным в эпистемологии Дж. Мура является и постулат о принципиальной неприложимости категорий "истинно" и "ложно" к данным чувственного опыта. Логическая теория не решает вопроса о статусе таких данных, она исследует их соотношение с идеями. Британский философ убежден в том, что все мнения, идеи человека существуют исключительно в понятийной форме, содержанием которой являются именно данные чувственного опыта.

Таким образом, понимание Дж. Муром теории истины сводится к следующему: утверждая об истинности того или иного высказывания, свойство, приписываемое объекту и выражаемое словом "истинное", осмысленно только тогда, когда оно соответствует факту. Такая категория как "истина" была бы излишней, если бы при всех возможных случаях высказывание соответствовало бы факту. Но, поскольку подобное является весьма сомнительным, если не сказать – невозможным, то и необходима теория анализа, позволяющая свести высказывания к неким простым его составляющим с последующей верификацией последних.

Отсюда следует, что назначение анализа заключается в том, чтобы редуцировать идею к неанализируемым (простым) её составляющим. Таковыми в его концепции выступают чувственные данные. Истина же представляется таким же простым и неанализируемым, но

свойством, обусловленное фактом реального существования полагаемой идеи. Соответственно, вопрос истины – это вопрос о доказательстве того, что тот или иной объект реально существует.

Интересна позиция А. Папа, последователя У. Куайна и сторонника так называемого "прагматического анализа". А. Пап отрицал возможность использования резких дихотомий по типу "аналитическое-синтетическое", "необходимое-случайное", "логическое-фактическое", полагая, что между предельными случаями располагается континуум высказываний с прагматической направленностью. Из этого следует, что само понятие "аналитичность" неанализируемо, как и любые другие открытые понятия, которые не просто неопределены, но для которых принципиально невозможно указать конечную процедуру придания точного смысла соответствующему языковому выражению).

Основанием употребления такого рода понятий является "преданалитическая очевидность" (интуиция). В конечном итоге оказывается, что в число открытых входят любые понятия, описывающие фундаментальную структуру реальности, так что и сама "реальность" оказывается открытой и неанализируемой. "Объясняющими", "фигуративными" в полной мере являются только лишь закрытые понятия; соответственно, открытые понятия имеют отношение исключительно к поэтическому акту префигурации реальности.

В "Проблемах философии" Б. Рассел вслед за Дж. Муром утверждает, что "истинность и ложность – свойства мнений, эти свойства зависят от отношения мнений к другим вещам, а не от какого-то качества, внутренне присущего мнениям... ..истинность и ложность убеждений зависит всегда от того, что лежит вне самих убеждений" [4, с. 245]. А именно в реальном факте.

Этот тезис и его доказательство являются следствиями расселовой теории дескрипций, о которой, как кажется необходимо сказать несколько слов, исходя из контекста нашего исследования. Тем более, что именно она преодолевает "парадокс анализа" Дж. Мура, который испытывал некоторые затруднения в его решении. Б. Рассел различает имя и дескрипцию: имя обозначает идею в нашем сознании, дескрипция же связывает это имя с реальностью, ничего не прибавляя к ее экстенционалу. Имя и дескрипция онтологически различны. Имя нельзя отождествить со словом, оно является термином, порождением абстрактного мышления. Когда же имя своим денотатом имеет уникальный, единичный объект, оно может быть приложимо к нему тогда и только тогда, когда имеет место факт знакомства с ним (объектом) того, кто использует данное индивидуальное имя. В этом случае "знание по знакомству" будет эпистемологическим обоснованием логической достоверности.

Задаваясь вопросом о возможности несомненных знаний и адекватном отражении реальности, Б. Рассел фундаментальным в этом отношении видит именно чувственный опыт. Различая два типа знания: знание по знакомству и знание по описанию, к первому он относит ощущения, память (как оперирование с прошлыми ощущениями) и интроспекцию (осознание самого себя ощущаемым). Например, слова "сладкий", "зелёный", "приятный" и т. п. расцениваются нами как до боли знакомые, личные, душевные и никакая теория не в силах определить их, сделать более доступными для нашего понимания. Как утверждает Б. Рассел, восприятие всегда выходит на факт прямо, а не через пропозицию.

Знание по знакомству, таким образом, понимается как универсальный способ непосредственного познания реально существующего объекта, даже если не существует научной теории, объясняющей этот факт. Все прочее непосредственно нам не дано и, соответственно, является знанием по описанию. Проблема такого разделения знания состоит в обосновании возможности того, что не дано в опыте, т. е. самого знания посредством описания. Эта проблема может быть решена при допущении различия эмпирического и логического знания, реальной истины и истины логической.

Реализм, фундаментально восходящий к традиции эмпиризма утверждает о невозможности абсолютной истины, достоверного, законченного знания. Это, в свою очередь, определяет, что в основе здравого смысла находится непосредственная, обыденно-бытовая уверенность в возможности непосредственного сходства восприятий и объектов, хотя она часто ничем теоретически не обоснована.

Вопрос об истине, в принципе, не связан с нашим понятием реальности. Мысля свойство какого-либо объекта, мы, в первую очередь, понимаем под ним (свойством) некую устойчивую совокупность качеств, присущих этому объекту *исходя из его природы* и определяемая этой системой возможность отношения объекта к другому объекту. Как нам кажется, именно *естественность* этих качеств является определяющей характеристикой объекта, его свойством. Но в таком случае мы рискуем оказаться в довольно неопределённом положении. Дело в том, что

утверждая о естественности свойств объекта, мы тем самым выходим из эпистемологического поля репрезентации в онтологическое и вопрос в данном контексте может быть переформулирован из вопроса о соответствии некоего свойства объекту в вопрос о существовании самого объекта.

Объект, рассматриваемый сам по себе, вне практических или познавательных действий человека, "молчит" по поводу себя. Только включая его в систему человеческих действий, происходит присвоение имен объектам и установление их характерологических свойств. Наиболее типичный способ формирования представления об объектах – эмпирическое раскрытие их характерологических свойств и строения. Однако эмпиризм не дает обоснования необходимости (жесткости) устанавливаемого свойства. Такое обоснование возможно только в рамках теории. Иной случай, когда знание о вещах эволюционирует от обыденного, опирающегося на прагматические интересы людей, до научного. Но, как обыденное знание, так и научное фиксируется в высказываниях о вещах, определяющих смысл и соответствующий экстенционал имени. Естественно, что научные определения вещи существенно отличаются от обыденных представлений своей строгостью и жесткостью десигнации, что снова-таки влечет необходимость четкого различения логической и реальной истины.

Вслед за Дж. Локком, утверждавшим, что "реальная истина касается идей, соответствующих вещам..., обозначение при помощи слов действительного соответствия или несоответствия идей, как оно есть" [5, с. 55], Б. Рассел допускает существование логической истины, но первичной считает именно реальную, обосновывая ее, правда, чисто логически, разграничивая логический и эпистемологический ее анализ. Исходя из его теории дескрипции, истинность и ложность всегда зависят от того, что находится вне самого высказывания, т. е. в факте. Истинность не может быть свойством высказывания, но только свойством убеждения. Последнее отличается тем, что в нем нечто высказывается о том, что находится вне объёма этого высказывания.

Тем самым, степень истины прямо пропорциональна степени соответствия фактам. Поскольку критерием истины является соответствие содержания высказывания фактам, не исключена ситуация частичного описания этих фактов. Соответственно, истинность следует поставить в зависимость от точности описания реального факта. Б. Рассел следующим образом определяет значение факта: "То, что утверждаемое предложение выражает, есть вера; то, что делает его истинным или ложным, есть факт" [6, с. 125]. Вера мыслится Б. Расселом не столько как религиозный феномен, сколько как субъективный, личный, психологический опыт, а факт, как адекватное предложение о внешнем мире, который не может быть произведен из наших мыслей или убеждений.

Фактом является та часть реальности, которая стала доступной, открытой человеческому разуму. И задача науки, соответственно, состоит в установлении еще большего количества фактов о природе. Но сам факт не может быть истинным или ложным, он лишь таковыми делает высказывания о внешнем мире. Истина или ложь могут быть приписаны только пропозициям. Истинное отношение между высказыванием и фактом – отношение соответствия, вызвавшее бурную полемику, во многом определившая контуры философии XX века.

Кризис, охвативший аналитическую философию в 70-х гг. XX века, не мог не сказаться и на одной из ее ключевых идей, идее реализма и его оппозиции идеализму. Традиционное противопоставление реализма идеализму в смысле философии Дж. Мура стало считаться неудовлетворительным. Научный дискурс выводит новую точку зрения, снимающую противоречие между реализмом и идеализмом путем критики самого реализма. Эту точку зрения принято называть "антиреализмом". Такая оппозиция, по нашему мнению, является несколько тенденциозной. Как утверждает Я. Шрамко: "В чистом виде, как реализм, так и его противоположность встречаются довольно редко... Многие философы являются реалистами относительно одних сущностей и антиреалистами – относительно других" [7, с. 369]. Так, некоторые философские воззрения Б. Рассела, в частности его учение о существовании "мира универсалий", Я. Шрамко характеризует как "метафизический реализм", но "в то же время в его теории познания явно проявляются идеалистические элементы, когда он требует сводимости всякого знания к знанию по знакомству, а последнее основывает на знакомстве с нашими чувственными данными" [7, с. 370]. Реализм часто сводят к скептицизму, что означает разрыв сознания и внешнего по отношению к нему мира.

Несомненны различия вопроса о том, каков внешний мир вне языкового и научного освоения, и вопроса о возникновении представлений людей об экстенционале. Накапливая знания и научно определяя имена, тем самым происходит определение экстенционала интенционалом.

Утверждение, что некоторые однотипные вещи в мире составляют сами по себе некий экстенционал, вне их познания и смысла научных имен, по меньшей мере, бесперспективно. Природа вещей, естественно, обуславливает экстенционал имени, но через описание человеком необходимых признаков познаваемых вещей. Поэтому на вопрос Х. Патнэма: "Локализованы ли значения в голове говорящих?", мы бы ответили в духе антиреализма, что они локализованы либо в сознании, либо нигде.

П. Хакер, сформулировавший программу антиреализма, видит в нем такие его характерологические особенности [8, с. 323-324]:

а) значение того, что имеется в виду, возможно при определенных условиях, а именно тогда, когда эти условия оправдывают наши утверждения;

б) осмысленность истины не является производной из "трансцендентной верификации", активно используемой в рамках реализма;

в) принцип бивалентности (истина-ложь), на котором строится эпистемологический тезис реализма, отрицается в рамках оппонирующего ему антиреализма;

г) не существует факта, независимого от способа рассмотрения или способности самого рассмотрения.

С. Никоненко, размышляя над сложившейся традицией демаркации типов антиреализма, проводимой, например, К. Райтом и Дж. Мэки, выделяет не два (как К. Райт), а три типа антиреализма: логический, онтологический и плюралистический [9, с. 259]. Выделение последнего типа стало возможным в результате анализа С. Никоненко программных положений антиреализма, на основании которого он утверждает об отсутствии в антиреализме какого-то одного принципа. По мнению исследователя, антиреализм представляет собой связанный конгломерат принципов, что дает основание заявлять о его концептуальном плюрализме.

Основным представителем логического антиреализма является М. Даммит^[1]. Он полагает, что возможно отрицать реализм, не впадая при этом в идеализм, в случае переосмысления дилеммы "истина-ложь" исключительно в области теории значения. М. Даммит выступает против понимания мира т. наз. "гипотетическим субъектом", обладающего универсальной точкой зрения и выступает скорее как методолог, задача которого – определение стратегии выбора между альтернативными логическими теориями. Концепция логического (семантического) антиреализма, по существу, тесно связана с процедурой верификации, когда то или иное высказывание является осмысленным в случае нахождения эффективного метода распознавания таких условий, при которых это высказывание будет истинным или ложным.

Онтологический же антиреализм направлен на критику "физикализма". Его основной принцип можно сформулировать так: реалист – это тот, кто утверждает, что первичная реальность хотя бы частично физическая; антиреалист – это тот, кто утверждает, что первичная реальность абсолютно нефизическая.

Плюралистический антиреализм несовместим с принципом унификации. В рамках этой системы постулируется возможность существования отдельных видов антиреализма, равно как и несуществования универсального антиреализма. Следует окончательно отказаться от "метафизического реализма" и придать реализму "человеческое лицо", что невозможно без допущения плюрализма в логике и онтологии.

Выводы. Одним из ключевых пунктов в споре реализма-антиреализма является вопрос об истине. По нашему мнению, сущность реализма, сводившаяся к потенциальной достижимости истины, рассмотрении науки как средства построения истинной модели мира резонно критикуется со стороны его оппонентов. Именно теория корреспонденции, на которой и строилась эпистемология реализма, явилась слабым звеном в этой довольно четкой системе доказательств. Антиреалистический натиск на позиции реализма проходил по линии обвинения последнего в неадекватности трактовки истины как соответствия мысли реальности, догматичности и метафизичности самого научного реализма.

Среди аргументов против реализма можно встретить идею, что теоретические объекты существуют постольку, поскольку они действуют как причинные факторы, экспериментально фиксируемые учеными. Эти причинные факторы настолько многообразны и сложны, что объяснения и предсказания, строящиеся на них, невозможны без их упрощения и нереалистических обобщений. Поэтому, фундаментальные законы науки не являются истинными и ничего не говорят нам о природе существующих объектов^[2]. Эмпирическая успешность научной теории не является залогом ее истинности. Если две теории в качестве своих следствий имеют одни и те же эмпирические данные, помимо их эмпирической эквиваленции следует говорить и об

эпистемологической эквиваленции этих теорий. Следовательно, у нас нет никаких оснований признавать одну из теорий истинной, а другую – ложной. Лучшей будет теория, отвечающая принципам простоты, экономии, полезности. Эти качества теории обосновывают прагматический потенциал ее существования, но никак не истинностный. Так, вместо несостоятельности понятия истины критики научного реализма предлагают использовать для объяснения успешности научных теорий такие категории как "способность решения научной проблемы", "эмпирическая адекватность", "правдоподобность" и т.п.

Критика реализма явилась условием и следствием идеи несостоятельности корреспондентной теории истины, когда четко было заявлено о маловероятности того, что она обладает какой-либо глубинной сущностью. Критика классической теории истины в данном контексте имеет ярко выраженный дефляционный характер, поскольку очевидным является ограничение возможного категориального поля теории, не предполагающее задействование дополнительного терминологического аппарата для прояснения критикуемого понятия истины. А само понятие становится своего рода избыточным и не несет никакого самостоятельного содержания. Поэтому предикат истины может быть изъят из любого контекста, без каких-либо серьезных потерь для его содержания. При этом речь идет именно об изъятии, а не просто элиминации через переформулировку или редукцию к какому-то другому понятию. Такая трактовка истины указывает на ее эпистемическую ограниченность, что означает концептуальную связь истинности высказывания с возможностью ее установления. Если мы не в состоянии знать и установить, что высказывание является истинным, то оно и не может быть истинным.

Литература:

1. Ладов В. А. Формальный реализм / В. Ладов. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2011. – 132 с.
2. Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. I / Р. Декарт. – М.: Мысль, 1989. – 654 с.
3. Уайтхед А. Избранные работы по философии / А. Уайтхед. – М.: Прогресс, 1990. – 720 с.
4. Рассел Б. Проблемы философии // Джеймс У. Введение в философию; Рассел Б. Проблемы философии / Б. Рассел. – М.: Республика, 2000. – С. 154-279.
5. Локк Дж. Сочинения в 3 т. Т. II / Р. Декарт. – М.: Мысль, 1985. – 560 с.
6. Рассел Б. Человеческое познание: Его сфера и границы / Б. Рассел. – К.: Ника-Центр, 2001. – 560 с.
7. Аналитическая философия / под ред. М. В. Лебедева. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 622 с.
8. Hacker P. M. S. Insight and Illusion: themes in the Philosophy of Wittgenstein / P. M. S. Hacker. – Oxford: Clarendon Press, 1986. – 342 p.
9. Никоненко С. В. Аналитическая философия: основные концепции / С. В. Никоненко. – СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 2007. – 546 с.

© Лебедь А. Е., 2012.

[1] Я. В. Шрамко называет антиреализм М. Даммита "семантическим антиреализмом".

[2] Здесь уместно вспомнить о дискуссии, развернувшейся по поводу реальности "атомов" и "молекул". Ее смысл заключается, с одной стороны, в признании реального существования таких физических объектов, как атом и молекула; с другой стороны – трактовкой, согласно которой "атом" и "молекула" являются всего лишь удобной схемой описания сложных отношений между наблюдаемыми объектами. Это некоего рода соглашение, инструмент, систематизирующий эмпирические данные. Иными словами, отношение соответствия в данном контексте устанавливается между законом и идеальными конструктами, моделями, созданными людьми, а не между законом и объектами внешнего мира.